

УДК 130.21

**МОНУМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ И
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Акименко Г. В.

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры психиатрии,
медицинской психологии и наркологии*

ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет

Минздрава России,

Россия, г. Кемерово.

Аннотация. Авторы статьи предприняли попытку, опираясь на научные концепции М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, Дж. Де Во и др., в дискурсе междисциплинарного исследования осмыслить понятие «коллективная память», определить её роль в формировании монументальной политики государства и культуры коммеморации.

Исследование показало, что общество всегда активно концептуализирует произведения монументального искусства. Памятники в современном в городском пространстве обладают стабилизирующей функцией, в том числе в условиях глобальных рисков современного мира. На ментальном уровне конкретного человека произведение артефакты - это одни из психологических факторов, который дает возможность человеку найти внутреннюю точку опоры, обрести уверенность в ситуации психологической неопределенности.

Ключевые слова: монументальная коммеморация, коллективная память, социальная идентичность, коммеморации, монументальное искусство, памятник, артефакт.

***COLLECTIVE MEMORY OF THE PAST AND NATIONAL IDENTITY IN
THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE
OF MONUMENTAL COMMEMORATION***

Akimenko G.V.

*candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of
psychiatry, medical psychology and narcology*

*Kemerovo state medical University of the Ministry of health of Russia,
Kemerovo, Russia.*

Abstract. Based on the scientific concepts of M. Halbwachs, J. Assman, A. Assman, J. De Vaux and others, the authors of the article made an attempt to comprehend the concept of “collective memory” in the discourse of interdisciplinary research, to determine its role in shaping the monumental policy of the state and culture commemorations.

The study showed that society always actively conceptualizes works of monumental art. Monuments in modern urban space have a stabilizing function, including in the context of the global risks of the modern world. At the mental level of a particular person, the work of artifacts is one of the psychological factors that enables a person to find an internal foothold, gain confidence in a situation of psychological uncertainty.

Keywords: monumental commemoration, collective memory, national identity, commemorations, monumental art, monument, artifact.

Произведения монументального искусства, воздвигнутые для того, чтобы придать пространству доминирующее значение, выполняют в городском пространстве не только эстетическую, но и идеологическую функции. В разные эпохи артефакты символизировали отдельные исторические нарративы и являлись индикатором жизни современников. В условиях исторических

переломов, и как следствие социально-культурной трансформации общества памятники всегда занимали особое место в сознании человека, так являлись средством массовой информации, а значит, были частью социального знания-закодированной коллективной памятью.

Актуальность темы исследования. В современном мире сложилось устойчивое отношение к мемориальному культурно-историческому наследию как социальной ценности. Весте с тем, на практике общество, в том числе и российское, сталкивается с проблемой низвержения существующих монументальных памятников истории и культуры, что фактически разрушает целостность сложившейся системы взаимосвязей между людьми, историческим наследием и средой.

Сохранение и изучение монументального наследия, и, в первую очередь, в условиях глобализации и обострения культурно-цивилизационных проблем человечества, является важным условием стабильного социального развития социума и культурной идентичности народов.

В силу присущих им неотъемлемых внутренних характеристик, монументы участвуют в создании предпосылок необходимых для перехода от одной общественно-политической парадигмы к другой, и вносят весомый вклад в реформирование социума и формирование новых общественных отношений.

Исторические и политические изменения, происходящие с конца 1980-х гг. XX столетия, стали катализатором для новых исследований проблем коллективной памяти. Планомерный поиск способов изучения данного феномена в XXI веке привел к росту числа научных публикации о конкретных национальных, социальных, религиозных или семейных воспоминаниях. Показательно, что в настоящее время исследования коллективной памяти не ограничиваются изучением тех способов осмысления прошлого, которые преднамеренны и осуществляются через нарратив.

Специалистами предложено несколько теоретико-методологических подходов к исследованию коллективной памяти о прошлом и социальной идентичности. Вместе с тем разработка концептуального набора инструментов для изучения данного феномена все еще находится на начальной стадии. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что изучение проблем коллективной памяти в настоящее время скорее практикуются, чем теоретизируются без учёта того очевидного факта, что данное направление, это не просто междисциплинарная область, а принципиально новый культуроцентрированный проект.

Целью исследования является рассмотрение герменевтического значения памятников в контексте опыта монументальной коммеморации и формировании идентификационных символов народа и государства.

Объект исследования - памятники, скульптура, мемориалы, как мировые произведения моментального искусства.

Предмет исследования – артефакты как форма коллективной памяти, сакральный символ исторической памяти в её эссенциальном аспекте.

Методологическая база исследования. Весомый вклад в осмыслении вопросов, связанных с проблемой психолого-социального феномена монументального искусства внес Л. С. Выготский, который, в частности, разработал метод объективного анализа произведений монументального искусства. Руководствуясь данной методикой, исследователи рассматривают артефакты как систему раздражителей, «сознательно организованных с намерениями вызвать эстетическую реакцию» [4]. Значимым является тот факт, что культурно-историческая теория Л. С. Выготского ориентирует учёных на изучение «чистой» психологии искусства безотносительно к автору и реципиенту [7].

В теоретико-методологическом отношении авторы опираются на: экзистенциально-онтологическую интерпретацию феномена психологии

эмоций З. Фрейда и теорию кросс-коллективной идентичности Г. Хофстеде, Дж. Де Во, Я. Ассмана, А. Ассман и др.

Методы исследования. В процессе изучения проблематики феномена монументального искусства как формы коллективной коммеморации были использованы общенаучные методы: аналитический обзор, метод ретроспективного анализа, системный и компаративный методы.

Результаты и обсуждение. Монументальное искусство (*Monumental art*) - вид ландшафтной архитектуры: скульптурные композиции, стелы, мемориалы и др., соединяющие два качества - «вечность» и крупномасштабность [22]. Артефакты по праву считаются специфическим культурно-историческим детектором и, одновременно, в известной степени дешифратором, производящим отбор наиболее общественно значимых идей в определенные периоды социальных изменений.

Коллективная память как предмет социально-психологического исследования. Интерпретации феномена.

Понятие «коллективная память» имеет различные значения и в научной литературе и нередко отождествляется с «исторической» и «социальной памятью», «национальным самосознанием» [18]. На наш взгляд, имеющееся многообразие взглядов и идей можно объяснить тем, что данный феномен изучается в разных методологических пространствах.

Так, большинство исследователей придерживаются точки зрения: «коллективная память» – это представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной группы [6, 11, 14]. Однако, французский социолог Морис Хальбвакса убедительно обосновал тот факт, что «коллективная память» не тождественна истории, в силу того что хранит только ту часть прошлого, которая все еще жива в групповом сознании. Ученый считал, что коллективные воспоминания целенаправленно формируют и поддерживают правящие социальные институты, которые не только

репродуцируют, но и конструируют прошлое [17]. Как следствие, коллективное видение прошлого постоянно претерпевает изменения в самосознании группы. А, с точки зрения Э. Дюркгейма, который много писал об этом феномене в работе «Элементарные формы религиозной жизни», для членов сообщества коллективная память всегда носит обязательный характер [25]. То есть память может считаться коллективной, только если она широко распространена и при условии, что она помогает солидаризироваться в группу. При этом, на наш взгляд, следует принять во внимание точку зрения одного из ведущих представителей социопсихологии – Норманна Триплета: разные группы, составляющие национальное сообщество, являются носителями не совпадающих коллективных воспоминаний [25].

В 70-е годы XX столетия С. Московичи выдвинул гипотезу о том, что коллективная память, очень близка к феномену социальной репрезентации. Ученый сделал акцент на том, что эти два понятия могут быть легко ассимилированы [27]. При этом квинтэссенцией коллективной памяти выступает единство индивидуальных воспоминаний и представлений членов группы, реализованных в социальной практике коммеморализованных церемоний, обрядов и др.

Коммеморация (*англ.* поминовение) - увековечение памяти о значимых для человека событиях. Как правило, это сооружение мемориалов, установка скульптур, памятников, создание исторических музеев, определение и празднование знаменательных дат в истории, массовые мероприятия и многое другое - всё, что связывает человека с его индивидуальным и коллективным прошлым. Вместе с тем по мнению профессора истории университета Вирджинии А. Мегилла: «Если память - побочный продукт прошлого опыта, то коммеморация в настоящем возникает из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношения

к событиям прошлого, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации истории» [12]. Таким образом, память следует рассматривать как взаимодействие между повторением и запоминанием, как сознательную коммеморацию.

Изучение ритуалов в связи с «местами памяти» имеет давние традиции, так как именно они в первую очередь поддерживают живую связь с прошлым. Следуя традициям в процессе социализации, каждый конкретный человек познает «коллективную память», но при этом оставляет за собой право самостоятельно сформулировать собственную версию исторических событий, которая возможно в будущем станет элементом групповой идентичности.

Можно констатировать, что национальная память состоит из множества коллективно-разделяемых представлений о прошлом, функционирующих в различных символических системах: историческая живопись, историография, документальные фильмы, монументальные артефакты, ритуалы, религиозные тексты и др. Каждое из вышеперечисленных средств имеет свою специфику, предполагает свой способ запоминания и оставляет специфический след - воспоминание, которое создает именно оно. Например, Мемориал Славы, являясь носителем архитектурно-исторической памяти сообщества, может символизировать общее чувство утраты, т.е. быть составляющей частью национальной травматической трансмиссии. В современных условиях это происходит в рамках интенсивно развивающегося процесса медиатизации всех видов коллективной памяти.

Переход от индивидуальных исторических воспоминаний к коллективной памяти происходит, в том числе, через общение человека, например, с архитектурой городской среды, произведениями монументального искусства и просто артефактами. Данный феномен, на наш взгляд, может рассматриваться как основа для национальной, социальной, коллективной, этнической и других форм идентичности [2].

Следует предположить, что памятники со временем могут утратить свою социальную ценность, трансформировавшись в «простые» предметы общественного места или просто городские ориентиры. Однако, воспоминания коллективной масштабной национальной потери - «коллективного горя» (например, последствий эпидемии, стихийного бедствия, войны и т.д.) с необходимостью предполагает эмоциональное перенесение прошлого в настоящее. Как следствие урбанистический памятник не утрачивает своего значения – ретранслятора национальных ценностей, и остается значимым элементом «социальной» памяти общества [13].

Интерес к изучению вне индивидуальных аспектов памяти развивался на протяжении всего XX в. Феномен коллективной памяти находился в сфере научного интереса антропологов, социологов, историков. А за последние два десятилетия взаимосвязь между культурой и коллективной памятью во многих частях мира стали ключевым вопросом междисциплинарного исследования, охватывающие такие разные области, как история, социология, искусство, литература, философия, теология, психология и нейронауки и др., и тем самым, уникальным образом объединяя гуманитарные, социальные и естественные науки.

Показательно, что единственным тезисом, касающимся проблемы коллективной памяти, не вызывающим споров среди ученых, является утверждение о возможности ее заметного влияния на чувства, образ мышления и поведение, как конкретного человека, так и различных слоев общества [21].

В социальной психологии феномен «коллективной памяти» преимущественно исследуется как психологическое образование, синтезирующее исторические воспоминания, обладающие для человека личностным смыслом [19, 20, 28]. История страны, равно как и прошлое конкретного города формирует систему устойчивых представлений о тех или

иных событиях. Лидирующая роль в этом процессе без сомнения принадлежит памятникам.

К.Г. Юнг первым начал исследования коллективной памяти в рамках глубинной психологии. Ученый считал, что «коллективное бессознательное» отделено от личного и является всеобщим, но при этом воспоминания единичного индивида не должны приглушаться или стереотипироваться коллективными реминисценциями [21].

За последние двадцать лет число исследований, имеющих отношение к изучению коллективной памяти с позиций социальной психологии (Сис и др., 2006; Барнье и Саттон, 2008; Стоун и др., 2010; Коман и Херст, 2012), возросло. Научные работы, дают представление о психических когнитивных механизмах, лежащих в основе возникновения и распространения в сообществе индивидуальных воспоминаний, которые, как правило, связаны с личностными особенностями и нарушениями памяти. На практике эти искажения провоцируют трансформацию социальных фэшбеков, и, как следствие общество имеет дело с «эффектом Манделы»: масса людей начинает верить в событие, которого, на самом деле, не было, или же оно происходило, но развивалось по иной парадигме. Поэтому индивидуальные воспоминания человека хорошо подходят для формирования национальной коллективной памяти, так как существует множество механизмов неизбежно приводящих к мнемонической конвергенции, несмотря на диссонанс, существующий в среде запоминающих. А это в свою очередь означает, что наша память, участвует в эволюции социальной идентичности, которая предполагает различения «мы - они», фиксируя в сознании человека это противопоставление. Таким образом, к числу наиболее значимых механизмов формирования коллективной идентичности, на наш взгляд, следует отнести интегрирование социального опыта, создаваемого всеми членами общества и предназначенного для национального самосохранения. Очевидно, что связь между памятью и членами

социума отнюдь не тривиальна, поскольку она выстраивает память для будущего, которое не ограничивается биографическим периодом жизнью отдельно взятого человека.

Вместе с тем среди исследователей существует и группа историков, отрицающих понятие «коллективная память». Такой подход берет свое начало в 20-е годы XX столетия [1]. Так, в работах Марка Блока, которого по праву считают одним из основателей школы «Анналов», констатируется: главный предмет истории - это исключительно сознание человека. Но, при этом М. Блок рассматривал коллективную ментальность, не ограничиваясь только так называемым «ясным сознанием», так как память, с точки зрения ученого, связана с материальными условиями жизни общества [3].

Таким образом, коллективное сознание ограничено, но, тем не менее, память позволяет членам сообщества сохранять ценностные ориентиры, благодаря которым у человека возникает, формируется и поддерживается ощущение сопричастности к опыту, значительно превосходящего индивидуальный. А значит, коллективная память является важным ресурсом в создании и сохранении социальной идентичности, в том числе общенациональной. Так как неизменным остается модель формирования этих архетипов - как заметил немецкий египтолог Ян Ассман в работе «Культурная память»: «Только значимое прошлое вспоминается, и только вспомненное прошлое становится значимым» [16, 23].

Социальная идентичность, как многогранный феномен

«Идентичность» происходит от классического латинского «*idem*» - «тот же самый» и является социокультурным и мировоззренческим конструктом члена общества и позволяет ориентироваться в современном ему мире, в отношениях с людьми и самим с собой.

Идентичность как феномен можно рассматривать с философской, психологической и социальной позиций. З. Фрейд в книге «Психология масс и

анализ человеческого «Я» вводит понятие «идентификация» определяя ее как механизм эмоциональной привязанности к другим людям. А, с точки зрения представителей социальной психологии, коллективная идентичность (social identity) - заключается в совместном и интерактивном чувстве «мы», предполагающим коллективные действия.

Эмпирически коллективная идентичность может проявляться в различных контекстах, хотя большинство исследований, посвященных данной проблеме, были сосредоточены на ее связи с этнической принадлежностью, религией, особенностями национальной психологии, географией, мифологией, объектами монументального искусства и др. [15].

В случае национальной идентичности идентификацию можно рассматривать как «процесс деперсонализация, подчеркивающая общность членов нации и оснований связи между людьми на их коллективной идентичности, а не на межличностных связях» [24]. С точки зрения психосоциальной концепции национальная общность не ограничивается идентификацией с нацией и может охватывать многие переменные, такие как традиции, ценности, ментальные программы, привычки и др.

Одним из самых значимых компонентов национальной ментальности является представление о едином прошлом и общая память, которая на коллективном уровне с точки зрения М. Хальбвакса «больше, чем просто совокупность индивидуальные воспоминания членов сообщества» [17]. При этом Анри Тайфель, правомерно определяет социальную идентичность как часть «Я-концепции» индивида, которая вытекает из его знания о своей принадлежности к группе вместе с ценностью и эмоциональным значением, придаваемым членству [26].

Представители глубинной психологии и, в частности Э. Эриксон, рассматривали идентичность как процесс, сосредоточенный в сущности человека и культуры, к которой данный индивид принадлежит [16]. А Зигмунд

Фрейд расценивал социально-ролевую идентичность личности как психологическое свойство, и одновременно как один из механизмов её защиты [16, 19]. Известный американский футуролог А. Тоффлер писал в этой связи еще в 80-м году: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [29].

Личностная идентичность встроена в конкретные макрокультурные факторы, например, такие как: социальные институты, артефакты, религиозные верования и др. Так, по определению З. Фрейда, «люди с большой наивностью переживают своё настоящее и не способны оценить его содержание, так как им сначала надо отойти на какое-то расстояние – иными словами, настоящее должно сделаться прошлым, если хочешь вывести из него отправные точки для определения будущего» [16].

При этом индивидуальная и коллективная память, а значит личностная и социальная идентичность, как правило, являются сообщающимися сосудами. Поэтому прошлое, передаваемое посредством коллективного воспоминания - каким бы мифическим оно ни было «...по определению никогда не является чужой страной» [10].

В обеспечении идентичности важную роль играют традиции, воплощенные в ритуалах, многие из которых предполагают действия возле памятников культуры. Например, построение мобилизованных жителей Кузбасса перед отправкой на специальную военную операцию у мемориального комплекса Героям-Сибирякам в г. Кемерово.

Таким образом, коллективная память и социальная идентичность прежде всего характеризуются своей устойчивостью. Но, вместе с тем они динамичны, так как с одной стороны уходят корнями в прошлое, а с другой формируются текущим опытом членов группы. Каждое новое поколение формируется в

разных социальных и исторических условиях, что оказывает мощное влияние на его общие систему ценностей.

Памятники в контексте диалога с прошлым. Реализация исторических амнезий.

Первые статуи в честь не богов, а простых смертных стали возводить ещё в античности. Широкое развитие монументальное искусство получило в Древнем Египте. В Греции, таким образом, увековечивали победителей Олимпийских игр, в Риме - императоров и государственных деятелей. Однако, подлинный «золотой век» монументализма приходится на эпоху Ренессанса.

Показательно что, периоды расцветов монументального искусства совпадают, как правило, с эпохами, характеризовавшимися высокоразвитым коллективным сознанием при недостаточно сформированном индивидуальном самосознании. Возможно, поэтому все древние культуры тяготели преимущественно к величественному зодчеству.

В конце XX столетия сложился образец мемориализации, в котором новые монументальные формы памяти были отличны от тех, что доминировали в XIX веке. Так, если более 100 лет назад мемориалы напоминали современникам о достижениях нации и государства, то современные артефакты в большей мере свидетельствуют о трагических событиях, например, связанных с пандемией COVID-19.

Известно, что история - это не только воспоминание, но и забвение. К примеру, многие факты в школьных учебниках, изложены в соответствие с актуальными идеологемами коллективной памяти. А памятники и музейные экспонаты вносят свой весомый вклад в коррекцию коллективной памяти. В частности, в Германии 1930-х годов активно использовали монументальное искусство и музейные артефакты для того, чтобы увековечить мифическое прошлое немецкого народа и тем самым способствовать расовому безвременью для нацистов [9].

Известно, что в человека от природы заложено эмоциональное реагирование на внешние события и явления, так как в нас на бессознательном уровне работают сверхсложные поведенческие программы, направленные на личностные и социальные действия. Поэтому произведения искусства, в том числе и монументального, оказывают влияние на психоэмоциональное состояние людей и опосредованно корректируют их сознание.

При соприкосновении с памятником на первый план выступают эмоциональное и эстетическое восприятие артефакта, возникает эффект присутствия, ощущение сопричастности к историческим событиям, связанным данным произведением искусства. Можно констатировать тот факт, что творчество, вне всякого сомнения, способствует формированию коллективной эмпатии, расширяет спектр эмоций человека, способно купировать стресс и смягчить переживание горя. Исторический опыт позволяет констатировать бесспорный факт того, что существует взаимосвязь между эмоционально-эстетической насыщенностью произведений монументального искусства, их долголетием и местом, которое занимает памятник в архитектурном ансамбле города [8].

Мировая история знает много примеров сноса памятников. Причина кроется главным образом в религиозном фанатизме. Например, ранние христиане в первую очередь уничтожали изображения языческих божеств. Сносили не только скульптуры Юпитера и Гермеса, но и мраморные изображения исторических лиц.

В современном мире уничтожение памятников провоцируют как социальные катаклизмы, так и отсутствие объединяющей национальной идеи. Развенчание «кумиров» в идеологемах практически во всех странах мира всегда приводило, и будет порождать в дальнейшем потребность общества в коррекции парадигмы мемориальной культуры. Разгул борьбы с памятниками пришелся на XX век. В России, сбросившей самодержавие, уничтожили почти

все монументы царям и государственным деятелям. Чудом уцелели несколько памятников Петру I, а также немногие монументы, представлявшие особую художественную ценность. На месте демонтированных статуй, как правило, возводились новые артефакты. Так, только в 1990–1991 гг. снесли свыше 5000 советских монументов на территории всех республик. В основном пострадали монументы Ленину и другим советским вождям [5]. В России «ленинопады» оказались относительно незначительными и краткосрочными. Из 7000 памятников и бюстов Ленину к началу 2022 сохранились 6000 монументов. Некоторые скульптуры было решено убрать в запасники, а часть скульптурных композиций были выставлены в парке искусств «Музеон» (г. Москва)

В XXI столетии в связи с массовыми антирасистскими протестами в Америке были уничтожены монументы Христофору Колумбу, Мигелю Сервантесу и Вольтеру. В Англии протестующие сбросили в воду скульптуру работорговца Э. Колстера, оставили негативные надписи на памятнике Уинстону Черчиллю, а в разных городах Бельгии обливали краской и сносили памятники королю Леопольду II и др.

Очевидно, что в XXI столетии скульптуры на городских площадях уже не имеют охранной грамоты лишь на том основании, что они давно стоят на своем месте. Уничтожение памятников - это практически всегда попытка манипулировать историей. При этом общество лишает себя целого пласта социально-ценностной информации, которая передается из поколения в поколение иногда в течение нескольких столетий. Впрочем, столь же неоднозначным иногда бывает и сохранение памятников.

Заключение. Понятие «коллективная память», является междисциплинарной областью исследования, и настоящее время в современной науке оно не стало общепринятым и продолжает порождать множество разногласий, связанных с его содержанием.

Произведения монументального искусства вмещают в себя множество смыслов и являются определенным символом, призывающими осмыслить прошлое: прославлять его, возможно, скорбеть, поклоняться или просто искать красоту.

Поскольку произведения монументального искусства являются формой коллективной памяти их по праву можно считать способом символической реконструкции взгляда на исторические события и ретрансляцией информации эмоционально значимой для социальной идентичности.

Памятники – неотъемлемая часть любого государства. Идеи, отраженные в них, связывают прошлое с настоящим и будущим, являются воплощением идентификационных символов народа и государства. Монументальное искусство, во всех его формах, предоставляет людям возможность участвовать в социальных практиках воспоминаний и скорби. Ценность памятников в их способности постоянно свидетельствовать о людях, о течении времени, формируя идентичность целых наций.

В современном обществе отношение к произведениям монументального искусства нередко зависит не только от социального заказа, в котором артефактам приписывается определенный смысл, зачастую первоначально в них не заложенный, но и нашего осознания того, что старые символы обесценились. Причем чем хуже современное положение дел в стране, тем активнее идет борьба с символами «проклятого прошлого».

На ментальном уровне конкретного человека скульптура, как правило, является одним из психологических факторов, предоставляющих ему возможность найти точку опоры, адаптироваться к ситуации «неопределенности» и не потеряться в пространственно - временном континууме. Индивидуальная и социальная память персонифицированы. Вместе с тем показательно, что при неблагоприятных обстоятельствах в жизни общества арт-объекты с необходимостью становятся «местами памяти»,

объединяя людей и помогая им пережить коллективное горе. Поэтому любое уничтожение произведений монументального искусства, - какими бы они ни были и кому бы они не были посвящены - это потеря такой точки опоры и фактор усиления социальной энтропии.

Значение и социальная роль произведений монументального искусства меняются в зависимости от контекста, который в наше время определяется общественностью и средствами массовой информации.

В обществе тотальной глобализации понятие произведение монументального искусства продолжают вносить свой вклад в построение и поддержание национальной идентичности.

Библиографический список:

1. Аполлон: Изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Архитектура: терминологический словарь. - М.: Эллис Лак, 1997. С.360.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. - М., Прометей, 1994. С.37.
3. Блок М. Апология истории. - М.: Наука, 1986. С.86.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968. С.76.
5. Галкова О.В. Понятие «Памятник культуры»: современные подходы в интерпретации. // Вестник МГУКИ. 2009. № 2. С. 182.
6. Глушченко Г.Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти // Философская мысль. 2018. № 1. С. 37-50.
7. Гольбурт Л. О чем свидетельствуют памятники? // История и повествование: Сб. статей. - М., 2006. С.124.
8. Ершов Г.Ю. Эрнст Неизвестный и вторая волна модернизма в советской монументальной скульптуре 1960-1970х гг. // Эрнст Неизвестный и нонконформизм в искусстве СССР Круглый стол к 90летию со дня рождения Э.И. Неизвестного: сб. статей. Екатеринбург, 2015. С. 3342.
9. Крупкин П.Л. Нация и этнос: идентичностные модели // Общество и

этнополитика. Новосибирск: СибАГС, 2011. С. 8–15.

10. Левинсон А. Память. Памятник. Мемориал [Электронный ресурс] // Портал Полит.Ру. Доступно по: http://www.polit.ru/research/2004/01/06/levinson_pamjat.html. Ссылка активна на 10.11.2021.

11. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. - Издательский Дом «Русский Остров», 2004. С.95.

12. Мегилл А. Историческая эпистемология. - М.: Канон+, 2007. 480 с.

13. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М.. Винок. - СПб.: С. Петерб. унт, 1999. С.78.

14. Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социальном научном знании [Электронный ресурс] // Вопросы социальной теории, том IV, 2010. Доступно по: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/05.pdf>. Ссылка активна на 10.11.2021.

15. Трегубенко И. А. Психологическая диагностика исторической памяти / И. А. Трегубенко // Научные труды. (Институт имени И. Е. Репина). СПб., 2011. С.211.

16. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Переводчик: Полянский В., Коган Яков Моисеевич. - Издательство: АСТ, 2011. 80 с.

17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Тема 1: Что такое коллективная память //Неприкосновенный запас. 2005. N 2 3 (40 41).

18. Хаттон П. История как искусство памяти. - СПб.: Владимир Даль, 2003. С.56.

19. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. Ред. и предисл. А. В. Толстых. 2е изд. - М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 320 с.

20. Эткинд А. Кристаллизация памятников в растворе памяти / А. Эткинд // Культуральные исследования: Сборник научных работ. - СПб., 2006. С.28.

21. Юнг К.Г. Архитип и символ. - Москва, 1991. 304 с.
22. Assmann A. (2002). Gedächtnis als Leitbegriff der Kulturwissenschaften [Memory as a guiding concept in cultural studies]. In L. Musner & G. Wunberg (Eds.), Kulturwissenschaften: Forschung – Praxis – Positionen [Cultural Studies: ResearchPracticePositions] (pp. 27–45). Vienna: WUV. (In German).
23. Assmann Jan. 1992. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Munich: Verlag C. H. Beck.
24. Halbwachs Maurice, On Collective Memory. / Lewis A. Coser. (ed). Chicago: The University of Chicago, 2012.
25. Oushakine S.A. Remembering in Public: On the Affective Management of History [Text] / S.A. Oushakine // Ab Imperio. 2013. No. 1.
26. Durkheim E. (1995) Individual representations and collective representations // Durkheim E. Sociology: its method, subject, purpose. Works of different years. Canon. pp. 208–243.
27. Manier D., & Hirst, W. (2008). A Cognitive Taxonomy of Collective Memories. In A. Erll and A. Nünning (Eds.), Media and Cultural Memory (pp. 253-262). Berlin: de Gruyter.
28. Tajfel H. (1978). Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. London: Academic Press/
29. Roccas S., Klar, Y., & Liviatan, I. (2006). The paradox of groupbased guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the ingroup's moral violations. Journal of Personality and Social Psychology, 91(4), 698-711.
30. Toffler A. The Third Wave. N.Y.: William Morrow and Company, Inc., 1980. P. 366.

Оригинальность 86%